

Ленинградский Красный театр прислажал уже в Москву на гастроли несколько лет назад. Тогда это был театр кубо-профсовета, работавший на прочных материальных основаниях, имевший постоянное помещение. С тех пор утратило много воды, и Красный театр превратилась в один из профессиональных кружков коллективов, обслуживающих свои спектаклями культурные слои. Предпосылки суд бы на возрождении, однако, Красному театру. Он остался мужественным художником, не искал турки, не ушел в репертуарную дельцу. Своим названием «Красный» он попытается оправдать и выбором пьес, и тщательной постановкой дела, и серьезным отношением к своим задачам. Он дружит с левой молодой режиссурой и в своих спектаклях хотел быть неким не только по содержанию, но и по форме. Выверенный результат оказался далеко. Красный театр получил моральное право вписаться на гастроли в Москву и показать здесь свои последние работы.

Время казалось не только на хозяйственной судьбе театра, но и на его репертуаре. Раньше это были пьесы, посвященные «10 дням, потрясшим мир» (Джон Рид), гражданской войне, борьбе на уралье («Мы — сами», «Товарищ Семивзводный»). Но снова бился тревожный и лихорадочный пульс героического времени. И обращение памятью к первому приходу Красного театра, ясно видишь, как много здорового и ценного имел он в своей работе.

Сначала театр показал два спектакля — драму Деля «Пьяный круг» и комедию Свирина «Наугад», уже не «Октябрь 1917 года», не гражданской война проходит в этих пьесах в наши дни, современный быт, современные трудности и невзгоды. Пьеса «Пьяный круг», как это видно из самого названия, посвящена вопросу о разрушительном действии алкоголя. В отличие от многих «санпросветных» пьес, проблема в «Пьяном круге» поставлена строго социально. Взяв героем завертывающегося в пьяном кругу комсомольца, сына прокурора Габובה, автор показал не тот вред, какой водка приносит организму человека, но вред, причиняемый ею через пьяного человека стране. Пьяный комсомолец, не осознавший, что он делает, расплачивает пачку документами своего друга — изобретателя, нашедшего способ изготовления нержавеющей стали. Документы находятся в единственном экземпляре; мало того, сам изобретатель без них уже не может восстановить свое открытие. Изобретатель вешается, а комсомолец попадает в тюрьму.

Пьеса не лишена недостатков, главным образом по линии фабульной и в отношении характеристики действующих лиц. В развитии действия есть прямолинейность агитационного задания, а положительные герои обрисованы схематично и бледно. Современная, особенно молодая, аудитория вряд ли «простит» автору самобуйство изобретателя. Понимаю, что драматургу это было нужно для того, чтобы усугубить вину пьяницы, зрители все же скажут, что правдоподобнее было выставить изобретателя вновь попытаться найти уже раз данный секрет. Здесь желание нарисовать алко-

голические ужасы отвлекли ход драмы от первоначального пути. Интереснее же в пьесе в моменты психологических напавнов, на пейзаж фантастике, в которой герой пьесы находит свою единую нить. Тут пьеса уже некоторая композиционная сложность, показывающая искания автора.

Комедия «Наугад» затрагивает тему об отработнике, работающем наугад. Чтобы еще больше отделить основное задание, автор так и выискивает главные действующие лица — администраторе и писателем — Наугадом — персонажем. Это obviously в фамилию Наугад, нужен кирка для вброски пьесы. Он ищет его сначала в Москве, потом в Ленинграде. Здесь автор дает галерею коллекционеров и бюрократов и этот материал хорошо использованный театром, представляет главную ценность комедии. В поисках писателя Наугад наталкивается на казю-то Киру Николаевну и скоро оказывается ее мужем. К счастью, карьерный дома все же удаются достичь, а порок в лице Наугада получает возмездие: брак ставится фиктивным Наугаду. Если бы Свирина ограничили первым действием, то получилось бы не плохое полуоборонение, полуовещивил на тему о бюрократизации советского аппарата; но в комедии есть II и III акты — несурьезные, пошловатые, фарсового пошиба. Смотреть их досадно. Они слипают и омерзят задания, и начало пьесы.

«Пьяный круг» ставил режиссер Гамкин, «Наугад» — Луце. Декорации к обоим спектаклям делал художник Шульце. И режиссерская, и декорационная работа очень тщательна, продумана, экономна; учтена необходимость передвижения спектаклей, использованы разные приемы оформления. Если говорить о влиянии, то оно исходит от Мейерхольда в «Круте» — от «Ревизора», в «Наугад» — от «Мандата». Работа Еваквей кажется более интересной и значительной. В ней есть внутренняя сыгранность, режиссерская мысль, умение дать живое видение города, как он рисуется глазам пьяного человека. В «Наугад» Луце для ряд остроумных деталей, умело использовал веревки, необходимые шпандли, придав банальную обобщенность (не люди, а массы) действующим лицам. Но при всем этом на его постановке лежит печать какой-то игривости, поверхностности, не очень большой серьезности. И это еще более обнажает невыгодный авторский материал.

По двум спектаклям трудно судить о качестве игры отдельных актеров, но в целом их умения слагают крепкий ансамбль. Есть в театре стремление переключать амбиду. Играющий сегодня молодого вятра играет старика и т. п. Кое-кто (например, Лавров в роли Кирикова) выделяется наличием и уверенной техникой и способностями.

Общее впечатление от двух гастролей благоприятное, особенно, когда принимаешь во внимание цель существования Красного театра, его материальную бедность, его волю к жизни. Но даже если бы всех этих оговорок не требовалось, все равно Красный театр остается театром, заслуживающим внимания, ценным профколлективом, удачно трудящимся на потребу работе клубу.

Н. ВОЛКОВ.